

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0405>

УДК/UDC 159.955.3

■ Проблема отношения мышления и речи в трудах Л.С. Выготского и А.Р. Лурии на материале сенсорной афазии

Е.И. Маркашова¹, Д.А. Бадина², А.А. Скворцов² ¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация anat.skvortsov@yandex.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Проблема отношения функций мышления и речи является фундаментальной для психологической науки: она лежит в основе понимания механизмов формирования и функционирования человеческого сознания, отличительной чертой которого является его речевая форма. Изучение расстройств речи является перспективным направлением исследования отношения этих функций, что также имеет важное практическое значение в сфере нейропсихологической реабилитации.

Цель. Целью данного исследования являлось сравнение взглядов классиков культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и А.Р. Лурии на отношение мышления и речи на примере сенсорной афазии.

Методы. Сопоставлялись принципы, лежащие в основе предполагаемого механизма афазий, с принципами взаимоотношения функций мышления и речи, раскрываемыми в общей психологии. Со стороны афазических расстройств основной упор был сделан на анализ работ А.Р. Лурии и последователей его школы, в то время как более общий анализ связи мышления и речи опирался на классические работы Л.С. Выготского и его ученицы Р.Е. Левиной. Также кратко была рассмотрена история развития взглядов на проблему мышления и речи в работах представителей структурализма, функционализма, гештальттеории и других.

Результаты. Было выявлено несовпадение в понимании выбранными авторами соотношения этих двух психических функций: по мнению Л.С. Выготского, мышление и речь находятся в единстве и опосредуют друг друга, следовательно, при афазии необходимо говорить не о нарушении одной из этих функций при сохранности другой, а о вариантах нарушения этого единства. В то же время исходя из анализа трудов А.Р. Лурии можно сделать вывод о том, что при афазии страдает, прежде всего, речь, а мышление либо оказывается нарушенным вторично, либо не нарушается вовсе.

Выводы. Выявленное в работе различие подходов к проблеме отношения мышления и речи позволяет перейти к возможности дальнейшего развития идей Л.С. Выготского о неразрывном единстве речевого мышления при изучении афазий: варианты афатического расстройства можно рассматривать как различные формы нарушения мыслеречевого единства, а не как первичные нарушения речи.

Ключевые слова: мышление, речь, афазия, интеллект, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, история психологии

Для цитирования: Маркашова, Е.И., Бадина, Д.А., Скворцов, А.А. (2025). Проблема отношения мышления и речи в трудах Л.С. Выготского и А.Р. Лурии на материале сенсорной афазии. *Национальный психологический журнал*, 20(4), 60–68. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0405>

■ Relation of Thinking and Speech in the Works of L.S. Vygotsky and A.R. Luria in the Case of Sensory Aphasia

Elisaveta I. Markashova ¹, Daria A. Badina ², Anatoly A. Skvortsov ²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

 anat.skvortsov@yandex.ru

ABSTRACT

Background. The problem of the relationship between thinking and speech is fundamental for psychological science: it underlies the understanding of formation and functioning of human consciousness, marked by its speech form. The study of aphasia is one of the promising areas of research into the relationship between these functions, which also has important practical significance in the field of neuropsychological rehabilitation.

Objective. The aim of the study was to compare the views of two researchers working within cultural-historical psychology on the subject of the relationship of thinking and speech, using the example of sensory aphasia.

Methods. The principles underlying the supposed mechanism of aphasia were compared to the principles of the relationship between thinking and speech, as revealed in general psychology. From the side of aphasic disorders, the main emphasis was placed on the analysis of the works of A.R. Luria and the disciples of his school, while a more general analysis of the connection between thinking and speech is based on the classical works of L.S. Vygotsky and his student R.E. Levina. The history of the development of the view on the problem of thinking and speech in the works of representatives of structuralism, functionalism, gestalt theory, and other schools was also briefly considered.

Results. As a result, a discrepancy in understanding the relationship between these two mental functions was revealed: according to L.S. Vygotsky's view, thinking and speech are in unity and mediate each other, therefore different forms of aphasia are different variants of the impairment of this unity. While, based on the analysis of A.R. Luria's works, it can be concluded that aphasia is a primary impairment of speech with or without slight secondary thinking disorder.

Conclusion. The difference in the approaches of the two scientists to the problem of relationship between thinking and speech revealed in the work allows us to move on to the further application of L.S. Vygotsky's ideas about the inextricable unity of speech thinking in the study of aphasia. Variants of aphasic disorder can be understood as various forms of disturbance of mental-speech unity, and not as a primary speech disorder.

Keywords: thinking, speech, aphasia, intelligence, L.S. Vygotsky, A.R. Luria, history of psychology

For citation: Markashova, E.I., Badina, D.A., Skvortsov, A.A. (2025). Relation of thinking and speech in the works of L.S. Vygotsky and A.R. Luria in the case of sensory aphasia. *National Psychological Journal*, 20(4), 60–68. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0405>

ВВЕДЕНИЕ

Основоположник культурно-исторического подхода в психологии Л.С. Выготский считал проблему отношения мышления и речи ключевой для психологической науки, поскольку, с его точки зрения, значение, выступая единицей речевого мышления, сущность человеческого сознания: «Что же является такой единицей, которая далее неразложима и в которой содержатся свойства, присущие речевому мышлению как целому? Нам думается, что такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова — в его значении» (Выготский, 1982, с. 15–16). «Мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы человеческого сознания <...> Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу» (там же, с. 361).

В своих работах Л.С. Выготский характеризует основные направления изучения соотношения мышления и речи в психологии, которые преимущественно сводились к установлению между ними либо тождества, либо абсолютного различия: «Все решение этой проблемы, которое предлагалось различными исследователями, колебалось всегда и постоянно <...> между двумя крайними полюсами — между отождествлением, полным слиянием мысли и слова и между их столь же метафизическим, столь же абсолютным, столь же полным разрывом и разъединением» (Выготский, 1982, с. 11).

Позиции тождества придерживались представители структурализма, куда, помимо ассоцианизма (Вундт, 1896; Титченер, 1898), классического бихевиоризма (Уотсон, 2005), гештальттеории (Вертгеймер, 2005; Келер, Hebb, 1949) на сегодняшний день можно также отнести сетевой подход в когнитивной психологии (Ryder, Favorov, 2001; Brown, 2020; Caporale, 2008; Gerstein, Bedenbaugh, Aertsen, 1989; Hanuschkin, Ganguli, Hahnloser, 2013; Ponzi, Wickens, 2010; Pulvermüller, Garagnani, Wennekers, 2014; Ursino, Cuppini, Magosso, 2013). В большинстве этих направлений предполагается, что мышление имеет чувственную природу, а значит, как и речь, сводится к совокупности образных элементов. В гештальттеории же все психические процессы (включая речь и мышление) рассматривались исходя из лежащих в их основании универсальных законов целостности, что стирает дифференциацию между ними и, опять же, указывает на принципиальное тождество мышления и речи.

Позиция абсолютного различия мышления и речи принадлежит традиции функциональной психологии. В частности, представители вюрцбургской школы считали, что мышление представляет собой внечувственный акт, в то время как речь есть последовательность сенсомоторных процессов и может быть лишь внешней оболочкой мысли (Пиаже, 1932; Кюльпе, 2008). Символьный и модулярный подход в современной когнитивной психологии во многом воспроизводит эту позицию. Здесь под термином «управляющие функции» или «центральная система» постулируется наличие активного, выходящего за чувственную сферу мышления — процесса, который не проявляемый авторами образом управляет сенсомоторными процессами, в том числе речью (Alvarez, Emory, 2006; Aron, 2008; Elliott, 2003; von Neumann, 1958; Newell, 1980; Fodor, 1983; Barkow, Cosmides, Tooby, 1992; Cosmides, Tooby, 1994; Nozari, 2018).

Таким образом, в психологической науке проблема отношения мышления и речи чаще всего решается установлением между ними либо тождества, либо абсолютного различия. Рассмотрим теперь собственную позицию Л.С. Выготского по данному вопросу.

Л.С. Выготский о отношении мышления и речи

Согласно Л.С. Выготскому, основной характеристикой речевого мышления является обобщенное познание. Есть основания предполагать, что, в частности, в шестой главе «Мышления и речи» Л.С. Выготский приблизился к трактовке обобщения не просто как абстрагирования общего, а как понимания общей (единой) причины существования класса явлений или объектов. Он, в частности, указывает, что овладение понятиями осуществляется посредством их упорядочивания в иерархическую систему, в которой более высокие в иерархии понятия обобщают ряд нижележащих. Такая вертикаль обобщений делает возможным овладение ими: «Усвоить слово “мебель” означает для ребенка не только прибавить шестое слово к пяти уже имеющимся, а нечто принципиально иное: овладеть отношением общности, приобрести первое высшее понятие, включающее в себя весь ряд более частных понятий, подчиненных ему, овладеть новой формой движения понятий не только по горизонтали, но и по вертикали» (Выготский, 1982, с. 272). «Неосознанность, как мы видели, означает отсутствие обобщения, т.е. недоразвитие системы отношений общности <...> образование понятий требует совершенно иных актов мысли, связанных со свободным движением в системе понятий, с обобщением прежде образованных обобщений, с более сознательным и произвольным оперированием прежними понятиями» (там же, с. 204–205, 287). С нашей точки зрения, сознательное и произвольное овладение понятиями необъяснимо, если их обобщение заключалось лишь в указании общих для них признаков, в то время как понимание единой причины существования обобщаемого материала делает овладение возможным. Сходную позицию можно увидеть в работе последовательницы Л.С. Выготского, Р.Е. Левиной: «Согласно мысли, развиваемой в психологии Л.С. Выготским, основная функция слова заключается в том, чтобы служить средством общения, и специфически человеческой формой общения является общение, основанное не на заражении, а на понимании» (Левина, 2005, с. 132). Следовательно, перед человеком стоит задача понять обобщаемый материал, то есть раскрыть единую причину определенного круга предметов познания, и, тем самым, овладеть ими.

В связи с этим важно указать на проводимое Л.С. Выготским различие между лингвистическим и психологическим значением, где первое — это круг обозначаемых предметов, предметная отнесенность слова, а второе — сам способ осмысления этих предметов: «Развитие смысловой стороны речи исчерпывается для лингвистики изменениями предметного содержания слов, но ей остается чужда мысль, что в ходе исторического развития языка изменяется смысловая структура значения слова, изменяется психологическая природа этого значения» (Выготский, 1982, с. 298–299). «... С психологической точки зрения значение слова прежде всего представляет собой обобщение <...> Значение слова, которое мы только что пытались раскрыть с психологической стороны, его обобщение представляет собой акт мышления в собственном смысле слова» (там же, с. 17).

Указанный акт мышления, согласно Л.С. Выготскому, необходимо рассматривать не как готовый результат, а именно как определенный способ обобщения, который и приводит к пониманию: «Способ, с помощью которого ребенок обобщает вещи, и способ, с помощью которого мы с вами обобщаем вещи, отличаются друг от друга. Когда я запоминаю какой-нибудь материал, лежащий передо мной, с помощью мышления в понятиях, т.е. с помощью абстрактного анализа,

который заключен в самом мышлении, то передо мной совершенно иная логическая структура, чем когда я изучаю этот материал с помощью других средств» (Выготский, 1982, с. 394). Итак, значение как способ обобщения, без которого не будет понятен и такой его результат как предметная отнесенность, подлежит специальному психологическому исследованию, которое осуществлялось как самим Л.С. Выготским (Выготский, 1982), так и его учениками (Леонтьев, 2003; Запорожец, 1986; Зейгарник, 1986).

Охарактеризованное таким образом мышление человека существует не просто в тождестве, и не просто в различии с речью, но в единстве их тождества и различия. Будучи моментами целого, они неразрывны и осуществляются благодаря друг другу. Данное суждение выражено Л.С. Выготским в известном тезисе о единстве общения и обобщения. Обобщение существует и развивается в речевом общении: «Общение необходимо предполагает обобщение и развитие словесного значения, т.е. обобщение становится возможным при развитии общения» (Выготский, 1982, с. 17). С другой стороны, за любым общением скрывается обобщение: «Каждое слово представляет собой скрытое обобщение, всякое слово уже обобщает» (там же).

Если же мышление и речь существуют в единстве, то процесс развития мышления подразумевает развитие речевых форм, в которых кристаллизуются акты мышления. В связи с этим усложняются языковые конструкции, воплощающие более сложные и истинные развитые мысли. С другой же стороны, поскольку в речи представлено мышление, то развитие первой одновременно способствует и развитию последнего.

Таким образом, согласно Л.С. Выготскому, речь не тождественна мышлению, как думали структуралисты, но она и не внешняя для мышления оболочка, как это представлялось в вюрцбургской школе. Эти функции представляют собой два различных момента одного единого целого — речевого мышления человека, которое в силу такого рода внутренней различенности опосредует и развивает само себя. Отсюда следует тезис, что мысль не выражается, а «совершается в слове» (там же, с. 307), который можно было бы дополнить и обратным тезисом: слово совершается в мысли.

Отношение мышления и речи при афазии

Если мышление и речь существуют в единстве, то, вероятно, при афазии следует говорить не об изолированном нарушении одной из этих функций, а о разных формах расстройства самого этого единства, когда и фазический и семический (то есть семантический) моменты страдают соответственно. Это предположение было проверено Р.Е. Левиной, которая под руководством Л.С. Выготского осуществляла изучение как становления детской речи, так и речевой патологии при афазии. Характеризуя детскую речь, она пишет: «В процессе общения ребенок заимствует слова окружающих, но, как правило, искажает их звуковую структуру. И вместе с деформированной фонетикой в едином процессе идет и его иное, отличное от нашего, значение» (Левина, 2005, с. 134).

Изучая же афатические расстройства, Р.Е. Левина приходит к выводу, что в данном случае страдает не только речь, но и сам процесс обобщения: «Интеллектуальные возможности афазика ограничены лишь конкретными соотношениями. Понимание переносного смысла, заключенного в простейшей пословице, у афазика выпадает <...> Афазик не в состоянии повторить бессмыслицы <...> Конкретный опыт, структура целиком владеют действиями больного. Мир пантомимы и метафор афазика недоступен. Наиболее серьезным нарушением у афазиков является распад функций понятия» (Левина, 2005, с. 119–120).

Специфическое, внутренне связанное отношение нарушений речи и мышления при афазии также рассматривалось в зарубежных исследованиях (Head, 1963; Blazková-Ctrnáctá et al., 2004; De Renzi et al., 1966; Ardila, Rubio-Brunob, 2017).

А.Р. Лурия, принимая точку зрения Л.С. Выготского, отмечал, что речь предназначена не только для общения, но и выступает средством интеллектуальной деятельности (Лурия, 1979; 2003). Тем не менее при определении термина «афазия» в школе А.Р. Лурии акцент делался на рассмотрении нарушения только фазического момента речевого мышления. В работах самого А.Р. Лурии четкого определения афазии не удалось обнаружить, поэтому показательным будет то, какие определения дают его ближайшие последователи. Е.Д. Хомская пишет: «Под афазиями в современной нейропсихологии понимают нарушения уже сформировавшейся речи, возникающие при локальных поражениях коры <...> и представляющие собой системные расстройства различных форм речевой деятельности. Афазии проявляются в виде нарушений фонематической, морфологической и синтаксической структуры собственной речи и понимания обращенной речи при сохранности движений речевого аппарата, обеспечивающих членораздельное произношение, и элементарных форм слуха» (Хомская, 2005, с. 228). Согласно Л.С. Цветковой, афазия — это «системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни организации речи, влияет на ее связи с другими психическими процессами и приводит к дезинтеграции всей психической сферы человека, нарушая прежде всего коммуникативную функцию речи...» (Цветкова, 2000, с. 75). Как видно из представленных цитат, афазия рассматривается здесь только как нарушение речи, в то время как мышление не упоминается.

Попытаемся детализировать представления А.Р. Лурии о соотношении мышления и речи при афазии на примере одной из ее форм — сенсорной. В силу того, что данный вид афатического дефекта является одним из наиболее широко обсуждаемых, всесторонне изученных и описанных в отечественной нейропсихологии, можно предполагать, что позиция А.Р. Лурии по указанному вопросу проявится на этом материале наиболее отчетливо.

А.Р. Лурия об отношении мышления и речи при сенсорной афазии

А.Р. Лурия отмечал, что при сенсорной афазии первично страдает фонематический слух: «После сказанного естественно, что этот основной дефект мы будем искать в нарушении сложных форм слухового анализа и синтеза и прежде всего в нарушении того фонематического слуха, о котором мы только что говорили. Как мы увидим ниже, это нарушение лежит в основе всего синдрома сенсорной афазии» (Лурия, 1962, с. 89–90).

При этом фонема понимается здесь как звуковой речевой сигнал, участвующий в смысловом различении: «Благодаря дискретности речевых звуков в каждом языке определенные звуковые признаки выступают как сигнальные, смысловоразличительные; в то время как другие звуковые признаки остаются несущественными, не меняющими смысла слова. Первые обозначаются современной лингвистикой как фонематические, а отличающиеся этими признаками смысловоразличительные звуки — как “фонемы”» (Лурия, 1962, с. 88). Итак, речь в данном случае идет о том, что некоторые признаки звуков речи обладают сигнальным или иначе условно-рефлекторным значением. Но такое понимание фонемы, по сути, приравнивает ее к любому другому сигнальному стимулу, не имеющему никакой принципиальной особенности по сравнению с природными звуками. Исходя из такой трактовки фонемы, можно было бы сказать, что животное, знающее команды, также обладает фонематическим слухом.

Такая только лишь гностическая трактовка фонемы, за которую А.Р. Лурия уже подвергался критике (Винарская, 1971), предопределила весь дальнейший ход его рассуждений относительно сенсорной афазии, которая, как теперь можно видеть, не случайно имеет такое название. Внимание автора закономерно фокусируется здесь лишь на фазической стороне речи, в связи с чем при характеристике соответствующих больных у них описываются прежде всего симптомы, связанные с искажениями звуковой структуры слов и следующими за ними нарушениями их предметной отнесенности, то есть, в соответствии с различием Л.С. Выготского, лингвистических значений. Значение же в психологическом смысле, то есть способы обобщения, согласно А.Р. Лурии, остаются у них преимущественно сохранными: «...ближайшее значение (или предметная отнесенность) слова страдает в таких случаях в гораздо большей степени, чем его обобщающая функция» (Лурия, 1962, с. 103).

Сразу стоит отметить, что несмотря на высказанный намек о нарушении обобщающей функции слова, которое, если и страдает при сенсорной афазии, то в меньшей степени, чем предметная отнесенность, данное направление рассуждений не получает в работах А.Р. Лурии никакого продолжения. В отличие от фазических нарушений речи собственно способы обобщения данной категории больных не подвергаются им отдельному исследованию. Кроме того, сразу возникает недоумение: как предметная отнесенность, то есть результат обобщения, может нарушиться в большей степени, чем сам процесс обобщения, который к этому результату ведет? Ответа на этот вопрос в текстах А.Р. Лурии обнаружить не удается. Оставляя в стороне упомянутое выше расстройство стоящего за словом процесса обобщения, он углубляется в изучение нарушения мышления, вызванного искажением предметной отнесенности слова, которое проявляется в феномене отчуждения значения слов: «Операции дискурсивного мышления, целиком опирающиеся на речевые средства <...> оставались для этих больных полностью недоступными. Выполнение подобных операций было невозможно из-за трудностей, связанных с постоянным отчуждением смысла слов, нестойкостью словесных значений, невозможностью удержания следов словесных связей и их последовательности» (Лурия, 1962, с. 105).

Поскольку, как указано выше, обобщающая функция слова остается у пациентов относительно сохранной, неудивительно, что, с точки зрения А.Р. Лурии, в отличие от нарушения лингвистических значений, у них не страдают те формы мышления, в основании которых лежат сложные способы обобщения: «...Для больных с сенсорной афазией остается доступным целый ряд операций абстрактного мышления (классификация предметов, операции отношениями типа “род — вид” и т.д.) <...> Больной с сенсорной афазией во многих случаях легко может усвоить значение отвлеченных понятий, правильно понимает смысл метафоры и проявляет достаточную сохранность абстрактных понятий (типа “развитие”, “причина”, “ограничение” и т.п.). Он оказывается в состоянии совершать операции переноса и даже усматривать отношения аналогии естественно, в пределах сохранности тех непосредственных значений слов, которыми он оперирует. В противовес мнению Гольдштейна (1948) можно сказать, что у больного с височной афазией в известных пределах сохранена и операция классификации, предполагающая ту “абстрактную установку”, которую представители нозического направления считали дефектной у всех афазиков» (Лурия, 1962, с. 103–104).

Таким образом, все затруднения в мышлении при сенсорной афазии, которые упоминает А.Р. Лурия, трактуются им как расстройство вторичного характера по отношению к нарушению фазической стороны слова и его предметной отнесенности: «Нарушения речи, возникающие при поражении височной области, не разрушают речь полностью. Они нарушают только звуковую структуру речи, а следовательно, и те процессы, которые требуют постоянной опоры на дифференцированную систему слов с их четкой предметной отнесенностью» (Лурия, 1962, с. 105). При этом семическая сторона слова, способы обобщения, стоящие за речевыми формами, остаются без внимания.

Пытаясь частично объяснить сохранность мышления при сенсорной афазии, А.Р. Лурия утверждал, что ряд мыслительных операций у больных с сенсорной афазией может оставаться сохранным в связи с их автоматизированностью и независимостью от развернутых форм речи, на которые они опирались первоначально: «Для того чтобы не впасть при интерпретации этого факта в ошибку, типичную для идеалистических представлений вюрцбургской школы, <...> нужно внести в высказанные положения одно уточнение. <...> На известном этапе достаточно упроченные мыслительные операции начинают осуществляться без видимых речевых кинестезий и, по всей видимости, приобретают некоторую

независимость от развернутых процессов артикулированной речи, к которой субъект обращается лишь при сложных дискурсивных операциях» (Лурия, 1962, с. 106).

Выше было показано, что обсуждавшиеся А.Р. Лурией ранее нешаблонные мыслительные операции обнаруживают, с его точки зрения, свою самостоятельность по отношению к речевым расстройствам и потому страдают по отношению к последним только вторичным образом и не нарушаются как таковые. Сейчас же обсуждаются стереотипы мышления, которые тоже, по мнению автора, не зависят от полномасштабного проговаривания.

Но если эти мыслительные автоматизмы не требуют развернутой речи, может быть, они состоят в единстве с другими формами речи, например, с речью внутренней? Ответ на этот вопрос можно получить при анализе следующего высказывания: «Нарушения отвлеченного речевого мышления при различных формах сенсорной (акустической) и моторной афазии также являются вторичными и не могут сводиться к первичному распаду “абстрактной установки”. <...> Больные с этими формами афазии не в состоянии оперировать сложными системами речевых связей, и там, где интеллектуальные операции имеют чисто вербальный характер, исследование их не может быть проведено. Однако в тех случаях, когда такие ограничения снимаются, обнаруживается, что больные не теряют “абстрактную установку” или “категориальное поведение”. <...> Они испытывают затруднения там, где последовательные логические операции опосредуются речью и где создающиеся на их основе системы связей теряют свою устойчивость из-за нестойкости значения слов и дефектов внутренней речи. Трудности, которые возникают у таких больных в сравнении понятий, в операциях наглядных аналогий и классификации указывают на речевую природу наблюдаемых дефектов и не могут быть сведены к общей деменции» (там же, с. 390).

Таким образом, затруднения мышления, возникающие на фоне первичного нарушения внутренней речи, снова, как это было и при нарушении речи внешней, имеют вторичный характер, что указывает на внеположенность операций мышления по отношению к ней. Следовательно, внутренняя речь, как и внешняя, рассматривается в качестве функции, которая может нарушаться самостоятельно и оказывать на мышление лишь внешнее влияние в соответствии с принципом общего для этих функций нейропсихологического фактора (Корсакова, 2012). Что же касается обсуждаемых мыслительных штампов, то они могут осуществляться независимо как от внешней, так и от внутренней речи. В последнем случае остается не вполне понятно, чем позиция А.Р. Лурии отличается от критикуемой им вюрцбургской школы, где мышление и речь рассматривались как самостоятельные.

В итоге, какой бы уровень автоматизированности или вид мышления ни рассматривался А.Р. Лурией, оно выступает для него внешней для речи психической функцией, которая или нарушается вторичным образом, или не страдает вовсе. Можно сделать вывод о том, что при изучении сенсорной афазии А.Р. Лурия расходится с Л.С. Выготским относительно единства мышления и речи и полагает их в отношении различия.

ВЫВОДЫ

В данной статье были рассмотрены взгляды Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, двух представителей культурно-исторической психологии, на проблему отношения мышления и речи. Взяв за основу анализа сенсорную афазию, мы постарались показать то фактическое расхождение, которое существует в понимании взаимосвязи мышления и речи и, исходя из этого, самой природы афатического расстройства между двумя учеными. Позиция Л.С. Выготского заключается в обосновании неразрывности, внутреннего единства функций мышления и речи, тогда как в подходе А.Р. Лурии речь и мышление трактуются как внешние по отношению друг к другу функции.

Разведение указанных позиций видится критически важным, так как из них вытекают два различных взгляда на причины и механизмы развития и проявления афазий. Л.С. Выготским написано множество работ по общей теории речевого мышления, но им самим не сформулирована сколько-нибудь целостная теория афатического расстройства. Поскольку А.Р. Лурия во многом рассматривал отношения мышления и речи в их различии, видится перспективной попытка переосмысления афазий с точки зрения единства этих психических процессов, что, как нам кажется, будет являться продолжением предложенной Л.С. Выготским линии культурно-исторического подхода.

Афатическое расстройство, понятое не с точки зрения нарушения отдельной функции речи, а как распад единства речевого мышления, где обе функции выступают как внутренне связанные моменты одной целостности, может пролить свет на многие вопросы. Возможно, отдельные виды афазий могут быть осмыслены как разные формы распада мыслеречевого единства: это позволяет предположить, что при различных афазиях по-разному страдает не отдельно функция речи, а форма отношений между мышлением и речью, тогда как различные речевые симптомы — лишь внешние проявления более глубокого внутреннего распада лежащей в основе всего процесса целостности.

В данной статье сделаны первые шаги для обозначения проблемы и указания того направления, которое мы бы хотели развивать в дальнейших работах по изучению афатических расстройств. Распад человеческого речевого мышления представляет собой клинический феномен, связанный с нарушением ключевой для человека функции сущности человека, который на данный момент времени все еще окончательно не раскрыт научным сообществом и потому представляет собой актуальное и перспективное поле для теоретических и практических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахутина, Т.В. (1989). Порождение речи нейролингвистический анализ синтаксиса. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Вертгеймер, М. (2005). О гештальттеории. В кн.: История психологии. XX век. Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. (С. 189–210). Москва: Изд-во «Академический проект»; Екатеринбург: Изд-во «Деловая книга».
- Винарская, Е.Н. (1971). Клинические проблемы афазии (нейролингвистический анализ). Москва: Изд-во «Медицина».
- Вундт, В. (1896). Очерк психологии. Санкт-Петербург: Издание Ф. Павленкова.
- Выготский, Л.С. (1982). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 2. Проблемы общей психологии. Москва: Изд-во «Педагогика».
- Выготский, Л.С. (1984). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 6. Научное наследство. Москва: Изд-во «Педагогика».
- Запорожец, А.В. (1986). Избранные психологические труды: в 2 тт. Москва: Изд-во «Педагогика».
- Зейгарник, Б.В. (1986). Патопсихология. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Келер, В. (2003). Об изоморфизме. В кн.: История психологии. XX век. Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. (С. 210–214). Москва: Изд-во «Академический проект».
- Корсакова, Н.К. (2012). Нейропсихологический фактор: наследие А.Р. Лурия и задачи развития нейропсихологии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (2), 8–15.
- Кюльпе, О. (2008). Психология мышления. В кн.: Психология мышления: хрестоматия. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Ф. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. (С. 38–44). Москва: Изд-во «АСТ».
- Левина, Е.Р. (2005). Нарушение речи и письма у детей: Избранные труды. Москва: Изд-во «Аркти».
- Леонтьев, А.А. (1997). Основы психолингвистики. Москва: Изд-во «Смысл».
- Леонтьев, А.Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат.
- Леонтьев, А.Н. (2003). Становление психологии деятельности. Москва: Изд-во «Смысл».
- Лурия, А.Р. (1962). Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Лурия, А.Р. (1979). Язык и сознание. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Лурия, А.Р. (2003). Основы нейропсихологии. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Издательский центр «Академия».
- Лурия, А.Р. (2009). Основные проблемы нейролингвистики. Москва: Книжный дом «Либроком».
- Пиаже, Ж. (1932). Речь и мышление ребенка. Москва, Ленинград: Государственное учебно-педагогическое изд-во.
- Титченер, Э.Б. (1898). Очерки психологии. Санкт-Петербург: Типография Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза».
- Уотсон, Дж. (2005). Бихевиоризм. В кн.: История психологии. XX век. Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. (С. 128–143). Москва: Изд-во «Академический проект»; Екатеринбург: Изд-во «Деловая книга».
- Хомская, Е.Д. (2005). Нейропсихология. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Цветкова, Л.С. (2000). Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. Учебное пособие. Москва: Изд-во Московского психолого-социального института.
- Alvarez, J.A., Emory, E. (2006). Executive function and the frontal lobes: A meta-analytic review. *Neuropsychology Review*, 16(1), 17–42. <https://doi.org/10.1007/s11065-006-9002-x>
- Ardila, A., Rubio-Brunob, S. (2017). Aphasia from the inside: The cognitive world of the aphasic patient. *Applied Neuropsychology: Adult*, 25(5), 434–440. <https://doi.org/10.1080/23279095.2017.1323753>
- Aron, A.R. (2008). Progress in executive function research: From tasks to functions to regions to networks. *Current Directions in Psychological Science*, 17(2), 124–129. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2008.00561.x>
- Barkow, J.H., Cosmides, L., Tooby, J. (1992). The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195060232.001.0001>
- Blazková-Čtrnáctá, D., Kalvach, P., Preissová, I., Müllerová, B. (2004). Loss of intelligence in aphasic disorders. *Casopis Lekaru Ceskych*, 143(3), 164–168.
- Brown, R.E. (2020). Donald O. Hebb and the organization of behavior: 17 years in the writing. *Molecular Brain*, 13(1), 55. <https://doi.org/10.1186/s13041-020-00567-8>
- Caporale, N. (2008). Spike timing-dependent plasticity: a Hebbian learning rule. *Annual Review of Neuroscience*, 31(1), 25–46. <https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.31.060407.125639>
- Cosmides, L., Tooby, J. (1994). Beyond intuition and instinct blindness: toward an evolutionarily rigorous cognitive science. *Cognition*, 50(1-3), 41–77. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(94\)90020-5](https://doi.org/10.1016/0010-0277(94)90020-5)
- De Renzi, E., Faglioni, P., Savoiardo, M., Vignolo, L.A. (1966). The influence of aphasia and of the hemispheric side of the cerebral lesion on abstract thinking. *Cortex*, 2(4), 399–420.
- Elliott, R. (2003). Executive functions and their disorders. *British Medical Bulletin*, 65(1), 49–59. <https://doi.org/10.1093/bmb/65.1.49>
- Fodor, J.A. (1983). The modularity of mind. Cambridge: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/MITPRESS/4737.001.0001>
- Gerstein, G.L., Bedenbaugh, P., Aertsen, A.M. (1989). Neuronal assemblies. *IEEE Transactions on Biomedical Engineering*, 36(1), 4–14. <https://doi.org/10.1109/10.16444>
- Hanuschkin, A., Ganguli, S., Hahnloser, R.H. (2013). A Hebbian learning rule gives rise to mirror neurons and links them to control theoretic inverse models. *Frontiers in Neural Circuits*, 7(106). <https://doi.org/10.3389/fncir.2013.00106>
- Head, H. (1963). Aphasia and kindred disorders of speech. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.2307/1415319>
- Hebb, D.O. (1949) The organization of behavior. A neuropsychological theory. New York: John Wiley and Sons Publ.
- Newell, A. (1980). Physical symbol systems. *Cognitive Science*, 4(2), 135–183. [https://doi.org/10.1016/s0364-0213\(80\)80015-2](https://doi.org/10.1016/s0364-0213(80)80015-2)
- Nozari, N. (2018). How special is language production? Perspectives from monitoring and control. In: K.D. Federmeier, D.G. Watson, (eds.). *Psychology of Learning and Motivation — Advances in Research and Theory*. (pp. 179–213). New York: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/bs.plm.2018.08.006>

- Ponzi, A., Wickens, J. (2010). Sequentially switching cell assemblies in random inhibitory networks of spiking neurons in the striatum. *The Journal of Neuroscience*, 30(17), 5894–5911. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.5540-09.2010>
- Pulvermüller, F., Garagnani, M., Wennekers, T. (2014). Thinking in circuits: toward neurobiological explanation in cognitive neuroscience. *Biological Cybernetics*, 108(5), 573–593. <https://doi.org/10.1007/s00422-014-0603-9>
- Ryder, D., Favorov, O.V. (2001). The new associationism: A neural explanation for the predictive powers of cerebral cortex. *Brain and Mind*, 2(2), 161–194. <https://doi.org/10.1023/A:1012296506279>
- Ursino, M., Cuppini, C., Magosso, E. (2013). The formation of categories and the representation of feature saliency: Analysis with a computational model trained with an Hebbian paradigm. *Journal of Integrative Neuroscience*, 12(4), 401–425. <https://doi.org/10.1142/S0219635213500246>
- von Neumann, J. (1958). *The computer and the brain*. London: Yale University Press.

REFERENCES

- Akhutina, T.V. (1989). *Speech production neurolinguistic analysis of syntax*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Alvarez, J.A., Emory, E. (2006). Executive function and the frontal lobes: A meta analytic review. *Neuropsychology Review*, 16(1), 17–42. <https://doi.org/10.1007/s11065-006-9002-x>
- Ardila, A., Rubio-Brunob, S. (2017). Aphasia from the inside: The cognitive world of the aphasic patient. *Applied Neuropsychology: Adult*, 25(5), 434–440. <https://doi.org/10.1080/23279095.2017.1323753>
- Aron, A.R. (2008). Progress in executive function research: From tasks to functions to regions to networks. *Current Directions in Psychological Science*, 17(2), 124–129. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2008.00561.x>
- Barkow, J.H., Cosmides, L., Tooby, J. (1992). *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195060232.001.0001>
- Blazková-Čtrnáctá, D., Kalvach, P., Preissová, I., Müllerová, B. (2004). Loss of intelligence in aphasic disorders. *Casopis Lékařů Ceskych*, 143(3), 164–168.
- Brown, R.E. (2020). Donald O. Hebb and the organization of behavior: 17 years in the writing. *Molecular Brain*, 13(1), 55. <https://doi.org/10.1186/s13041-020-00567-8>
- Caporale, N. (2008). Spike timing-dependent plasticity: a Hebbian learning rule. *Annual Review of Neuroscience*, 31(1), 25–46. <https://doi.org/10.1146/annurev.neuro.31.060407.125639>
- Cosmides, L., Tooby, J. (1994). Beyond intuition and instinct blindness: toward an evolutionarily rigorous cognitive science. *Cognition*, 50(1-3), 41–77. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(94\)90020-5](https://doi.org/10.1016/0010-0277(94)90020-5)
- De Renzi, E., Faglioni, P., Savoiardo, M., Vignolo, L.A. (1966). The influence of aphasia and of the hemispheric side of the cerebral lesion on abstract thinking. *Cortex*, 2(4), 399–420.
- Elliott, R. (2003). Executive functions and their disorders. *British Medical Bulletin*, 65(1), 49–59. <https://doi.org/10.1093/bmb/65.1.49>
- Fodor, J.A. (1983). *The modularity of mind*. Cambridge: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/MITPRESS/4737.001.0001>
- Gerstein, G.L., Bedenbaugh, P., Aertsen, A.M. (1989). Neuronal assemblies. *IEEE Transactions on Biomedical Engineering*, 36(1), 4–14. <https://doi.org/10.1109/10.16444>
- Hanuschkin, A., Ganguli, S., Hahnloser, R.H. (2013). A Hebbian learning rule gives rise to mirror neurons and links them to control theoretic inverse models. *Frontiers in Neural Circuits*, 7(106). <https://doi.org/10.3389/fncir.2013.00106>
- Head, H. (1963). *Aphasia and kindred disorders of speech*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.2307/1415319>
- Hebb, D.O. (1949). *The organization of behavior: A neuropsychological theory*. New York: John Wiley and Sons Publ.
- Khomsakaya, E.D. (2005). *Neuropsychology*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Köhler, W. (2003). About isomorphism. In: P.Ya. Gal'perin, A.N. Zhdan, (eds.). *The history of psychology. XX century*. (pp. 210–214). Moscow: Academic project Publ. (In Russ.)
- Külpe, O. (2008). *Psychology of thinking*. In: Yu.B. Gippenteiter, V.F. Spiridonov, M.V. Falikman, V.V. Petukhov, (eds.). *Psychology of thinking: a chrestomathy*. (pp. 38–44). Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Leont'ev, A.A. (1997). *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Leont'ev, A.N. (1975). *Activity. Conscience. Personality*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Leont'ev, A.N. (2003). *The formation of the psychology of activity*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Levina, E.R. (2005). *Speech and writing disorders in children: Selected works*. Moscow: Arkti Publ. (In Russ.)
- Luriya, A.R. (1962). *Higher human cortical functions and their impairment in local brain lesions*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Luriya, A.R. (1979). *Language and consciousness*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Luriya, A.R. (2003). *Fundamentals of neuropsychology. Study guide for university students*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)
- Luriya, A.R. (2009). *The main problems of neuro-linguistics*. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.)
- Newell, A. (1980). Physical symbol systems. *Cognitive Science*, 4(2), 135–183. [https://doi.org/10.1016/s0364-0213\(80\)80015-2](https://doi.org/10.1016/s0364-0213(80)80015-2)
- Nozari, N. (2018). How special is language production? Perspectives from monitoring and control. In: K.D. Federmeier, D.G. Watson, (eds.). *Psychology of Learning and Motivation — Advances in Research and Theory*. (pp. 179–213). New York: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/bs.plm.2018.08.006>
- Piaget, J. (1932). *The child's speech and thinking*. Moscow, Leningrad: State Educational and Pedagogical Publ. (In Russ.)
- Ponzi, A., Wickens, J. (2010). Sequentially switching cell assemblies in random inhibitory networks of spiking neurons in the striatum. *The Journal of Neuroscience*, 30(17), 5894–5911. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.5540-09.2010>
- Pulvermüller, F., Garagnani, M., Wennekers, T. (2014). Thinking in circuits: toward neurobiological explanation in cognitive neuroscience. *Biological Cybernetics*, 108(5), 573–593. <https://doi.org/10.1007/s00422-014-0603-9>

- Ryder, D., Favorov, O.V. (2001). The new associationism: A neural explanation for the predictive powers of cerebral cortex. *Brain and Mind*, 2(2), 161–194. <https://doi.org/10.1023/A:1012296506279>
- Titchener, E.B. (1898). *Essays on psychology*. Saint Petersburg: Printing house of the Supremely approved Society “Public Benefit”. (In Russ.)
- Tsvetkova, L.S. (2000). *Introduction to neuropsychology and restorative learning. Training manual*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ. (In Russ.)
- Ursino, M., Cuppini, C., Magosso, E. (2013). The formation of categories and the representation of feature saliency: Analysis with a computational model trained with an Hebbian paradigm. *Journal of Integrative Neuroscience*, 12(4), 401–425. <https://doi.org/10.1142/S0219635213500246>
- Vinarskaya, E.N. (1971). *Clinical problems of aphasia (neuro-linguistic analysis)*. Moscow: Medicine Publ. (In Russ.)
- von Neumann, J. (1958). *The computer and the brain*. London: Yale University Press.
- Vygotsky, L.S. (1982). *Collected works: in 6 vol. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogy Publ. (In Russ.)
- Vygotsky, L.S. (1984). *Collected works: in 6 vol. Vol. 6. Scientific legacy*. Moscow: Pedagogy Publ. (In Russ.)
- Watson, J. (2005). Behaviorism. In: P.Ya. Gal'perin, A.N. Zhdan, (eds.). *The history of psychology. XX century*. (pp. 128–143). Moscow: Academic project Publ.; Ekaterinburg: Business Book Publ. (In Russ.)
- Wertheimer, M. (2005). About Gestalt theory. In: P.Ya. Gal'perin, A.N. Zhdan, (eds.). *The history of psychology. XX century*. (pp. 189–210). Moscow: Academic project Publ.; Ekaterinburg: Business Book Publ. (In Russ.)
- Wundt, W. (1896). *An essay on psychology*. Saint Petersburg: F. Pavlenkov Publ. (In Russ.)
- Zaporozhets, A.V. (1986). *Selected psychological works: in 2 vol.* Moscow: Pedagogy Publ. (In Russ.)
- Zeigarnik, B.V. (1986). *Pathopsychology*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Елизавета Игоревна
Маркашова**

Аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, markaliza@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-6592>

Elisaveta I. Markashhova

Postgraduate Student of the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, markaliza@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-6592>

**Дарья Александровна
Бадина**

Помощник директора Института искусственного интеллекта и цифровых наук факультета компьютерных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, dbadina@hse.ru

Daria A. Badina

Assistant of the Director, AI and Digital Science Institute, Faculty of Computer Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, dbadina@hse.ru

**Анатолий Анатольевич
Скворцов**

Кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, anat.skvortsov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0471-4217>

Anatoly A. Skvortsov

Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, uanat.skvortsov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0471-4217>

Поступила 03.12.2024. Получена после доработки 02.03.2025. Принята в печать 30.06.2025.

Received 03.12.2024. Revised 02.03.2025. Accepted 30.06.2025.